№ НАРОДНАЯ БИБЛIОТЕКА. 3.

С. Арефинъ.

„Въ буеракѣ"

(Быль нашихъ дней).

Цѣна 50 коп.

1919 г.

Въ буеракѣ

— Есть еще порохъ въ пороховницахъ, не изсякла казацкая сила.
Н. В. ГОГОЛЬ

(Быль нашихъ дней).

I.

Испуганнымъ, разочарованнымъ, сомнѣвающимся, падающимъ духомъ я хочу разсказать свѣжую быль о пережитомъ семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ только что истекшемъ 1918 году.

Въ ночь на субботу святой недѣли въ Усть-Медвѣдицѣ поднялась тревожная частая стрѣльба, суматоха.

Красные, занимавшие станицу, бѣгали по улицамъ испуганные, ошеломленные, не могли понять, откуда грозитъ опасность, и трусили.

Сергѣй Зерщиковъ ночью еще порывался нѣсколько разъ пойти посмотрѣть, что происходитъ, но не пустили домашніе.

Утромъ въ станицу вошли усть-хоперскіе казаки.

Сергѣй выскочилъ на улицу, увидалъ за угломъ коноводовъ съ лошадьми, пробѣгавшихъ, пригибаясь, по улицѣ казаковъ съ винтовками и шашками, услышалъ ясно доносившійся изъ-подъ горы отъ переправы трескъ винтовочныхъ выстрѣловъ, крикъ перекликавшихся казаковъ, громкій возбужденный говоръ кучки сосѣдей, и радостное праздничное чувство возбужденія охватило его. Онъ увязался за казаками и вмѣстѣ съ ними побѣжалъ до станичнаго правленія.

Несмотря на ранній часъ, тамъ уже было много народу и своихъ, усть-медвѣдицкихъ, и чужихъ казаковъ; прошли торопливо нѣсколько офицеровъ, скрывавшихся отъ большевиковъ гдѣ-то по хуторамъ, пріѣхали развѣдчики съ вѣстями о томъ, что дѣлается на той сторонѣ.

Къ Сергѣю подошелъ знакомый реалистъ и спросилъ:

— Ты пойдешь записываться?. Партизановъ набираютъ... въ погоню... на ту сторону. Пойдемъ?

— Пойдемъ.—сказалъ Сергѣй.

Они протолкались въ правленіе, записались въ отрядъ. Имъ дали старыя берданки, разбили на маленькія группы. Полковникъ Голубинцевъ указалъ задачу.

— Ну, ребята, копаться некогда. Надо ковать желѣзо, пока горячо,—сказалъ партизанамъ командиръ ихъ группы.

Не заходя домой, Сергѣй вмѣстѣ съ другими партизанами пошелъ къ перевозу.

Дулъ сильный вѣтеръ, досчаникъ качало и сносило внизъ, грести было трудно. Партизаны съ опаской поглядывали на лѣвый берегъ, такой пустынный и сумрачно загадочный сейчасъ. Высадились благополучно и черезъ пески пошли къ Александровской станицѣ вслѣдъ за ушедшими въ томъ направленіи красноармейцами.

Отрядикъ былъ маленькій—человѣкъ въ 25, въ большинствѣ учащихся: реалистовъ, семинаристовъ. Молодежь, впервые шедшая въ дѣло, нервничала, старалась не показать виду, что она волнуется, и все жалась ближе къ старшимъ, нѣсколькимъ офицерамъ и казакамъ, бывшимъ въ отрядѣ.

Не успѣли пройти нѣсколько верстъ, какъ впереди зачернѣлась толпа людей пѣшихъ и конныхъ.

Издали трудно было разобрать, кто это, свои или красные? Сейчасъ всего можно было ожидать въ захваченномъ гражданской войной краѣ. Каждый буеракъ, *) каждая группа кустовъ, кучугуры песку, стогъ сѣна, постройки хутора—все могло грозить засадой, обстрѣломъ, смертью... Фигуры людей, шедшихъ плотной кучей по дорогѣ на Усть-Медвѣдицу, возбуждали тревогу. Невольно хотѣлось присѣсть за закрытіе, выждать, выяснить намѣренія подходившихъ.

Шедшій впереди сотникъ пріостановилъ отрядъ и сталъ вглядываться въ приближавшихся.

— Какъ будто наши?

— Наши, наши, г-нъ сотникъ,—отозвался одинъ изъ казаковъ.—Красныхъ казаки гонятъ въ станицу.

— Опоздали мы, кажись—усмѣхнулся другой.

*) Мѣстн. оврагъ С. А.

— Наши и есть! Молодцы—сказалъ сотникъ.

Эти простыя слова отогнали щемящую тоскливую тревогу. Партизаны почувствовали себя увѣренно и бодро.

Стало ясно видно, что пѣшую группу конвоирують конные казаки. Одинъ изъ нихъ отдѣлился и рысью подъѣхалъ къ партизанамъ.

— Здорово дневали!—просто и такъ обыденно привѣтствовалъ онъ окружившій его отрядъ!—Куда? не за красными ли?

— Да, вслѣдъ гонимъ... выбили ихъ нынче ночью изъ станицы.

— Слыхали... мы на Подъольховскомъ сами съ ними справились! Ведемъ въ штабъ теперь...

Онъ передалъ подробности разоруженія бѣжавшихъ черезъ хуторъ красныхъ и добавилъ, что больше ихъ тутъ нѣту.

— Придется ворочаться въ штабъ, сказалъ сотникъ.—Намъ тутъ нечего дѣлать.

Отрядъ подождалъ подходившихъ плѣнныхъ и вмѣстѣ съ ними повернулъ въ станицу...

Такъ началъ свою боевую страду партизанъ есаула Алексѣева отряда, ученикъ 1-го класса Усть-Медвѣдицкой учительской семинаріи Сергѣй Зерщиковъ.

II.

Много горя пришлось хлебнуть, много переходовъ сдѣлать, то въ погонѣ за красными, то отходя подъ натискомъ ихъ наваливающейся силы.

Начинали съ голыми почти руками. Въ первое дѣло подъ Кепинскую пошли,—изъ 40 человѣкъ у троихъ только винтовки были. Потомъ уже на фронтѣ оружіемъ раздобылись, патроновъ накопили.

Мироновъ съ красными на Усть-Медвѣдицу наступалъ, изъ Березокъ по станицѣ артиллеріей бить началъ. Штабъ и войска оставили Усть-Медвѣдицу, рѣшили не подвергать станицу опасности обстрѣла и уличнаго боя. Послѣдними ушли изъ нея партизаны, на „пирамидахъ“ остановились.

Получили потомъ задачу: вмѣстѣ съ клѣтскими казаками наступать на станицу отъ Бобровскаго. Трудный участокъ достался партизанамъ: по надъ Дономъ—по буеракамъ и по скло-

намъ итти довелось. Сильнымъ огнемъ встрѣтили ихъ красные. Ворвались все же партизаны вмѣстѣ съ клѣтскими въ станицу. Бѣгутъ, „на ура" берутъ. Прошли съ боемъ по Воскресенской, выскочили къ переправѣ, краснымъ путь отрѣзали.

Ушли все же красные, до Арчады откатились.

Получилъ Мироновъ подкрѣпленія, навалился опять на Усть-Медвѣдицу. Напряглись казаки, перешли въ наступленіе— отбросили красныхъ за Александровскую станицу.

Досталась партизанамъ задача итти на красныхъ съ Козлова хутора на Шашкинъ, дѣйствовать въ тылъ. Развѣдали партизаны расположеніе красныхъ, повели дѣло такъ, чтобы орудій у нихъ захватить. Ввязались въ дѣло, сбили красныхъ, кинулись къ тому мѣсту, гдѣ орудія у нихъ должны были быть, а орудія передвинуты оказались. Какая—то женщина шпіонка ночью изъ Александровской на Шашкинъ ходила, донесла.

Нарвались партизаны на засаду съ пулеметами. Напали, отбили нѣсколько пулеметовъ, погнали было красныхъ. Да измѣна въ это время произошла: сдались краснымъ сосѣди, что шли рядомъ съ партизанами,—распопинскіе казаки.

Оторвались партизаны отъ своихъ, почти въ кольцѣ очутились. Навалились на нихъ красные, артиллеріей стали обстрѣливать. Дрогнули партизаны—мало ихъ оставалось, большія потери понесли отъ огня—и стали отходить съ боемъ.

Отходитъ вмѣстѣ съ другими и Сергѣй Зерщиковъ и видитъ: упалъ рядомъ съ нимъ партизанъ, подъ пулеметную струю угодилъ, итти не можетъ. Оттащилъ его Сергѣй въ лощинку къ пулеметной подводѣ, что отбили передъ тѣмъ у красныхъ, перевязывать сталъ. Три пули въ животъ да одна въ щеку пришлась.

Только что перевязалъ его Сергѣй, казакъ подходитъ— разрывной пулей пальцы оторваны.

— Перевяжи, сдѣлай милость,—говоритъ.

Перевязалъ и его.

Обрубилъ шашкой казакъ гужи, сѣлъ на лошадь. Видитъ Сергѣй, уѣзжать хочетъ казакъ—говоритъ ему:

— Возьми раненаго съ собой—итти вѣдь не можетъ.

Отказался казакъ.

— Куда мнѣ его—говоритъ: маштакъ такой... и одного, гляди, не довезетъ!

Ударилъ по лошади и ускакалъ.

Подошелъ къ Сергѣю штабсъ-капитанъ Виноградовъ; рука у него перебита.

— Перевяжите меня—проситъ.

Стали искать бинтъ, завозились и не замѣтили, какъ отстали отъ своихъ. Окружили ихъ тутъ красногвардейцы и захватили Сергѣя и штабсъ-капитана въ плѣнъ.

III.

Погнали красные плѣнныхъ на Шашкинъ. Ведутъ по дорогѣ мимо мельницы, а тамъ много красноармейцевъ собралось, побѣду празднуютъ, бахвалятся.

— Мы де... Мы покажемъ буржуямъ...

Распопинцы среди нихъ стоятъ,—веселые такіе. Красные папиросами ихъ угощаютъ, по плечу похлопываютъ, смѣются.

Еще плѣнныхъ партизанъ тутъ подвели человѣкъ девять. Увидали красные партизанъ, ругаться стали. Чѣмъ—дальше, тѣмъ больше звѣрѣютъ, глаза кровью наливаются.

— Перебить ихъ,—такъ ихъ разъ—этакъ,—кадеты проклятые!—кричатъ,—за буржуевъ стояли! противъ трудового народа пошли!

Подскочили, погоны посрывали, бить стали прикладами. Все въ самое чувствительное мѣсто норовятъ ударить. Разстрѣлять на мѣстѣ собрались было, да случился тутъ кто-то изъ ихъ штаба, удержалъ, велѣлъ въ хуторъ для допроса отвести. Послушались красноармейцы, отвели въ хуторъ, заперли въ сараѣ вмѣстѣ съ распопинцами.

Стали плѣнныхъ по одиночкѣ на допросъ водить. Распопинцы веселые съ допроса приходятъ, шушукаются промежъ себя о чемъ-то; партизаны избитые возвращаются—прикладами всю дорогу до штаба красноармейцы гоняютъ—у рѣдкаго лицо не въ крови.

Дошла очередь до Сергѣя. Еле до штаба дошелъ,—бьютъ красноармейцы во всю мочь прикладами, издѣваются:

— Покажемъ тебѣ, какъ противъ трудового народа воевать!

Привели въ штабъ къ самому Миронову.

— Гдѣ служилъ? спрашиваетъ.

— Въ Алексѣевскомъ партизанскомъ отрядѣ.

8

— Давно?

— Съ начала образованія отряда.

Справился Мироновъ по бумагамъ—у штабсъ-капитана Виноградова отобраны были,—не успѣлъ уничтожить.

— Вѣрно,—говоритъ: во всѣхъ бояхъ со мною былъ...

Кончились допросы, вывели красноармейцы партизанъ за хуторъ, подвели къ большой ямѣ, выстроили въ рядъ около нея, а въ ямѣ нѣсколько труповъ партизанъ убитыхъ лежатъ, обобранные до тла, и трупъ сестры милосердія, что въ ихъ отрядѣ была—Анны Демьяновны.

Подвели тутъ красноармейцы къ ямѣ старика казака изъ хутора Шашкина, поставили на самомъ краю. Поблѣднѣлъ старикъ, колѣни подгибаются, однако не подаетъ виду, храбро держится.

— Злодѣи вы,—говоритъ красноармейцамъ—не будетъ вамъ на томъ свѣтѣ прощенья!

Ругаются красноармейцы по-матерному и помолиться не дали старику,—выстрѣломъ въ упоръ прикончили.

— Вотъ тебѣ за шпионство! говорятъ.

Упалъ старикъ навзничь въ яму, не охнулъ даже.

Стоятъ партизаны, ждутъ смерти. Однако не стали ихъ разстрѣливать красноармейцы, дали имъ лопаты. Засыпали они братскую могилу; отвели ихъ красноармейцы обратно въ сарай...

Налегли тутъ казаки, сбили красныхъ. Стали отходить красноармейцы и партизанъ погнали за собою.

Всю дорогу прикладами били—только лѣнивый не билъ, —сильно избили, падали нѣкоторые, кто послабѣй. Тяжело было идти—жара, пыль, избитое тѣло ноетъ, пить хочется... Издѣваются красноармейцы, приваловъ не дѣлаютъ, воды не даютъ напиться...

У Глазуновки попали было красноармейцы въ кольцо казаковъ, стали партизаны надѣяться, что отобьютъ ихъ свои. Да прорвались красноармейцы, погнали дальше плѣнниковъ. Догнали до хутора Левина и заперли снова въ сарай...

Повалились партизаны на землю отъ усталости...

IV.

...Пришелъ въ сарай командиръ красноармейской старосельской роты, переписалъ партизанъ, нарядилъ конвой и велѣлъ вести плѣнныхъ въ Арчаду.

9

Погнали старосельцы партизанъ еще злѣе, бьютъ прикладами, штыкомъ кое-кого тырнули.

Идутъ партизаны, терпятъ. Рвется грудь отъ тоски, а дѣлать нечего: сильный конвой ведетъ, а ихъ десять мальчиковъ безоружныхъ да штабсъ-капитанъ съ перебитой рукой.

Отошелъ конвой отъ хутора и сталъ сворачивать съ дороги въ буеракъ.

Догадались партизаны.

На разстрѣлъ ведутъ!

Прощаться другъ съ другомъ стали.

Штабсъ-капитанъ блѣдный весь—сквозь запекшуюся кровь, кровоподтеки и синяки блѣдность видна—идетъ бодро, партизанъ уговариваетъ:

— Умремъ молодцами, господа. Разъ умирать, вѣдь!..

Завели красноармейцы въ буеракъ, раздѣваться велѣли:

— Чего жъ одежду зря портить?!. Намъ сгодится!

Кой-кто изъ партизанъ сами сняли шинели, съ кого красные съ руганью стащили.

— Буржуйская сволочь! еще упирается!

Разстегнули пояса, блузы сняли.

— Сапоги сымай—командуютъ:—До гола раздѣвайтесь!

Раздѣлись портизаны до бѣлья, бѣлье не стали снимать.

— Хоть въ бѣльѣ умереть дайте.. Звѣри вы что ль?!.

Поглядѣли красноармейцы на бѣлье; мало корысти въ немъ: черное, заношенное, потомъ пропиталось, давно въ походѣ не смѣняли рубахъ партизаны, нечѣмъ особенно поживиться—разрѣшили остаться въ бѣльѣ.

— Чортъ съ вами,—говорятъ.

Выстроили партизанъ въ рядъ поперекъ буерака; отошли шаговъ на пять, цѣлиться стали.

Скомандовалъ кто-то по-пѣхотному:

— Прямо по мишенямъ пальба взводомъ. .

Звякнули винтовки, прямо въ лицо дула смотрятъ.

— Взво о дъ...

Долго цѣлились красные и тутъ издѣвку свою не бросили.

— Отставить!—командуетъ тотъ же красноармеецъ, а самъ улыбается. Весело ему.

Опустили красноармейцы ружья, смѣются.

— Взводъ...

Опять приложились.

— Отставить!

Хохочутъ красноармейцы, веселой имъ шутка показалась..

— Взв-одъ...

Надоѣло кому-то изъ нихъ.

— Чего дурака то ломать!! кончай скорѣй—говоритъ.

— Долго еще тутъ съ ними валандаться будемъ?!

Раздалась роковая команда:

— Пли!

Нестройно защелкали, затрещали винтовки, попадали партизаны.

Не попала въ **Сергѣя Зерщикова** ни одна пуля, обожгло лишь лицо. Устоялъ онъ на ногахъ, зажмурился только невольно отъ ожога. Слышитъ—кричатъ красноармейцы:

— Стрѣляй, товарищъ, скорѣй!.. Убѣжалъ, убѣжалъ!..

Повернулъ голову Сергѣй, посмотрѣлъ вслѣдъ побѣжавшимъ красноармейцамъ, увидалъ: штабсъ-капитанъ Виноградовъ раненый,—кровь изъ него хлещетъ—взбирается по скату буерака, спѣшитъ. Здоровой рукой за землю, за корни солодика цѣпляется, другая перебитая, какъ плеть виситъ.

Шагнулъ было къ нему Сергѣй, да подскочили тутъ и къ Сергѣю красноармейцы, штыкомъ въ грудь съ разбѣгу ударилъ его одинъ.

Покачнулся Сергѣй, сталъ падать,—другіе на штыки подхватили. Бьютъ, до земли не допускаютъ,—въ грудь все норовятъ ударить.

Не потерялъ сознанія Сергѣй.

— Надо упасть, какъ будто мертвый, соображаетъ:—не добьютъ, можетъ,—бросятъ!..

Упалъ онъ на землю, перевернулся, раскинулъ руки. Вся грудь кровью изъ ранъ залилась и изъ горла кровь пошла... Затаилъ дыханіе Сергѣй, сцѣпилъ зубы крѣпко—крѣпко, удержалъ во рту кровь. Сильнѣй изъ груди пошла.

Бросили его красноармейцы, отошли къ другимъ добивать тѣхъ, кто шевелился еще, подавалъ признаки жизни...

Не удержалъ Сергѣй дыханія, съ хрипомъ оно изъ груди вырвалось, кровь изо рта пошла.

Услыхали красноармейцы:

— А, живъ еще?

Подошли нѣсколько человѣкъ, опять стали бить штыками въ грудь...

Въ это время на дорогѣ недалеко отъ буерака выстрѣлы затрещали.

— Текай, товарищи!—крикнулъ кто-то: —Добивай скорійше!

Ударилъ красноармеецъ Сергѣя въ грудь со всей мочи, насквозь пробилъ надъ самымъ сердцемъ. Штыкъ концомъ въ землю ушелъ, хрустнуло даже... Дернулъ его красноармеецъ назадъ, выругался и побѣжалъ вслѣдъ за другими.

Тихо стало въ буеракѣ. И выстрѣлы стихли. На бугрѣ сусликъ засвисталъ. Птичка какая-то съ печальнымъ чивиканьемъ низко-низко пролетѣла надъ буеракомъ.

Приподнялъ голову Сергѣй, оглядѣлся. Пусто въ оврагѣ,—никого нѣтъ изъ красноармейцевъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ товарищи партизаны лежатъ убитые—не шелохнется никто. На скатѣ оврага штабсъ-капитанъ упалъ, лицомъ внизъ уткнулся, руки въ землю впились.

Оглядѣлъ Сергѣй себя, кровь изъ ранъ хлещетъ, всю грудь залило. Попробовалъ приподняться, опять упалъ—силы не хватило.

Сложилъ руки на груди, прижалъ ихъ крѣпко, крѣпко къ ранамъ, кровь чтобы унять, и остался тамъ, гдѣ упалъ, лежитъ —смерти дожидается...

V.

Часа два пролежалъ Сергѣй, не двигаясь. Смеркаться стало.

Стонъ вблизи послышался. Очнулся одинъ изъ партизанъ. Знакомый чей-то голосъ. Окликнулъ Сергѣй:

— Кто стонетъ?

— Я... Валеріанъ,—чуть слышно отзывается товарищъ Сергѣя Валеріанъ Фроловъ, партизанъ.

Сталъ спрашивать Сергѣй:

— Куда раненъ?

— Въ бокъ... Разрывной пулей...

И опять застоналъ Валеріанъ.

— Охъ, тяжело... тяжело мнѣ какъ!.. Уйдемъ отсюда!

— Некуда, братъ, итти!

— Оттащи меня отсюда,—проситъ Валеріанъ, какъ въ забытьи, бредитъ:—уйдемъ скорѣе! Тутъ крови много... много крови...

— Какъ же уйдемъ? Я тоже двинуться не могу.

Валеріанъ заплакалъ даже.

— Уйдемъ! Я не могу больше... Пойдемъ пожалуйста!...

Заворочался было Валеріанъ, застоналъ опять, бормотать что-то началъ. Ничего не могъ сдѣлать Сергѣй. И жалко ему Валеріана и двинуться самъ не можетъ, силъ нѣтъ. Съ полчаса стоналъ Валеріанъ, бредилъ все, просилъ увести его, потомъ затихъ... Умеръ...

Смерклось совсѣмъ,—вѣтеръ поднялся, холодно стало. Дрожь, мелкая, мучительная дрожь охватила все тѣло, зубы стали стучать, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй и сильнѣй.

Не въ моготу стало лежать, сталъ Сергѣй передвигаться на спинѣ поближе къ убитымъ, защиту отъ вѣтра хоть какую-нибудь найти хотѣлъ. Упрется затылкомъ, ногами зацѣпится,—подвинется чуть-чуть, отдохнетъ, снова упрется, снова подвинется.

Долго ползъ онъ такъ, добрался до Валеріана,—прямо въ лужицу крови, что изъ раны Валеріана вытекала, угодилъ. Дальше передвигаться силъ не стало. Легъ онъ головой на откинутую руку Валеріана, прижалъ руки къ груди покрѣпче. Закрыло его немного тѣло Валеріана отъ вѣтра, потеплѣло какъ будто,—согрѣлся Сергѣй.

Полежалъ немного, чувствуетъ: ощупываетъ кто-то его, рукой лицо трогаетъ. Еще одинъ раненый пришелъ въ себя. Реалистъ, Георгій Поповъ, оказалось, лежитъ недалеко рядомъ,—протянутой рукой достать можно.

Заговорилъ съ нимъ Сергѣй.—Поповъ на холодъ жалуется. Указалъ ему Сергѣй:

— Гдѣ мы раздѣвались, одежда должна быть. Когда добивали насъ, выстрѣлы были, красные на утекъ пошли, —врядъ всю захватить успѣли.

Выслушалъ это, Поповъ сталъ пробовать подняться. Качался, качался—всталъ на ноги, пошелъ по буераку, нашелъ шинель, вернулся почти падая къ старому мѣсту, легъ, укрылся. Отъ усилія и потери крови въ забытье впалъ.

Сталъ Сергѣй просить:

— Ложись ближе ко мнѣ, дай и мнѣ укрыться...

Не обращаеть вниманія Поповъ на его слова, ворчитъ что—то про себя—не разобрать словъ—бредитъ, видно...

13 Хотѣлъ Сергѣй подползти къ нему, чтобы рядомъ лечь, пошевельнулся, отнялъ руки отъ груди,—кровь сильнѣй пошла. Легъ опять, руки къ груди прижалъ.

— Можетъ такъ пролежу,—думаетъ:—Не надо двигаться... а то послѣднія силы уйдутъ... И забылся...

Подъ утро—свѣтать ужъ стало,—пришелъ въ себя. Дрожь опять колотитъ.

Протянулъ руку Сергѣй къ Попову, подвинулся немного, потащилъ съ него край шинели на себя.

Пришелъ въ себя и Георгій, повернулъ голову, посмотрѣлъ пристально на Сергѣя, ничего не сказалъ. Раскачался опять, всталъ, взялъ другую шинель.

Согрѣлся Сергѣй подъ шинелью и забылся: уснулъ, либо сознаніе потерялъ.

VI.

Пришелъ въ себя Сергѣй днемъ уже. Солнце надъ самымъ буеракомъ стоитъ, ярко свѣтитъ, слѣпитъ глаза. Жарко, пить мучительно хочется, пересохло въ горлѣ, запеклась кровь во рту... Мухи налетѣли откуда-то на кровь,—много мухъ,—ползаютъ по лицу, щекочутъ и отогнать нельзя: руки не подымаются отъ груди,—совсѣмъ ослабѣлъ.

Приподнялъ голову Сергѣй, оглядѣлся. По буераку внизъ видно,—куга зеленой стѣной стоитъ, вода сквозь нее поблескиваетъ.— Недалеко, а не доползти.

Попробовалъ Сергѣй встать, собралъ всѣ силы, шевельнулся,—голова закружилась, сознаніе потерялъ...

Очнулся, видитъ: Поповъ пришелъ въ себя, на него смотритъ:

— Пить хочется,—говоритъ.

Сталъ его Сергѣй просить:

Встань,—можетъ дойдешь вонъ до воды, напьешься... мнѣ хоть рубахи подолъ намочи.

Не можетъ и Поповъ: ослабѣлъ, да и боится тоже послѣднія силы потерять.

Полежали немного,—голоса надъ буеракомъ послышались. Жители изъ Левина мимо буерака по дорогѣ идутъ, разговариваютъ... Телѣга застучала. Ѣдетъ кто-то и пѣсенку потанакиваетъ... А въ буеракъ имъ съ дороги не видно.

Стали Сергѣй съ Поповымъ кричать,—хрипѣніе одно вырывается изъ груди. Не слышно на дорогу...

Высоко уже солнце поднялось, къ полднямъ подошло,—не вытерпѣлъ Поповъ жажды, съ большимъ усиліемъ всталъ. Качаетъ его отъ слабости, однако, пошелъ.

Сталъ ему Сергѣй говорить:

— Либо до хутора добирайся, либо у дороги ложись! Можетъ найдетъ кто,—помогутъ... А то смерть намъ!

Послушался Поповъ, пошелъ по склону буерака, до обрѣза дошелъ, да выбился, видно, изъ силъ, — качнуло его и свалился на самомъ обрѣзѣ...

Совсѣмъ ослабѣлъ Сергѣй, — все чаще и чаще забытье стало нападать.

Очнулся разъ, слышитъ—разговариваетъ кто-то около... Открылъ глаза, видитъ—трое пожилыхъ казаковъ изъ Левина стоятъ, въ буеракъ смотрятъ. У одного ведро въ рукѣ.

Застоналъ Сергѣй, подошли къ нему казаки.

— Пить, болѣзный, хочешь?

— Хочу... ой, какъ хочу! Напойте Бога ради.

— Напоили его казаки, лицо его освѣжили водой. Сталъ просить Сергѣй взять его отсюда. Обѣщали казаки запречь лошадь, ушли въ хуторъ...

Остался одинъ Сергѣй, дрема одолѣвать стала... Пришелъ въ себя отъ прохлады.

Тучка набѣжала, вѣтерокъ подулъ, пошелъ сильный крупный дождь, освѣжилъ, мухи пропали куда-то... Легче стало немного, а слабость все сильнѣй и сильнѣй, ноги и руки нѣмѣть стали—какъ чужія будто...

Дремлетъ Сергѣй, крикъ какой-то слышитъ. Разъ и другой кричитъ кто-то издалека словно, чуть слышно его.

Открылъ глаза Сергѣй, пришелъ въ себя окончательно, слышитъ, въ самомъ дѣлѣ окликаетъ кто-то:

— Кто тутъ еще живой есть?! Отзовитесь!

Повернулъ голову Сергѣй на крикъ, увидалъ: на краю буерака, надъ самымъ обрѣзомъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Поповъ упалъ, стоятъ трое конныхъ, а Попова не видно. Разглядѣлъ Сергѣй,—въ накидкахъ всадники и фуражки у нихъ безъ кокардъ...

— Не наши,—соображаетъ—красные!

И тотчасъ равнодушно подумалъ:

15

— Все равно ужъ...

Слышитъ,—разговариваютъ всадники. Говоритъ одинъ:

— Ну, я поѣду, а вы стойте, караульте, чтобы никто не подходилъ...

— Ну, все тутъ,—только и подумалъ Сергѣй и опять потерялъ сознаніе...

Очнулся—громкій говоръ рядомъ съ собой слышитъ. Поглядѣлъ, въ буеракѣ много народу изъ Левина, братскую могилу роютъ.

— Конецъ пришелъ, — подумалъ Сергѣй: — Живымъ закопаютъ...

И такъ жить захотѣлось, такъ жить захотѣлось! Бабы около стояли, сталъ просить ихъ Сергѣй:

— Унесите ради Христа! Спасите!.. Не давайте живымъ хоронить!

— Что ты? Христосъ съ тобой! Подвода заразъ пріѣдетъ, въ хуторъ привезетъ.. Богъ дастъ поправишься...

Не повѣрилъ было Сергѣй, да застучала на дорогѣ телѣга, подъѣхала къ буераку.

Подняли Сергѣя, перенесли на подводу, положили рядомъ съ Георгіемъ Поповымъ и повезли въ хуторъ Левинъ...

VI.

Сбѣжался народъ со всего хутора, напоили бабы раненыхъ молокомъ, съ лица и рукъ кровь отмыли. Старики сумрачные стоятъ, слова не проронятъ.

Сталъ просить Сергѣй сдѣлать перевязку имъ, боятся бабы приступиться. Залило рубахи кровью, запеклась кровь на груди, присохли рубахи къ тѣлу,—страшно взяться не умѣючи, какъ бы хуже не сдѣлать. Рѣшилась одна Георгію Попову на шеѣ рану перевязать, стала кровь отмывать, а въ ней черви уже видны...

Судили-рядили, что дѣлать съ ранеными, рѣшили: отвезти въ Арчаду, восемь верстъ всего,—а тамъ земская больница есть, женщина врачъ живетъ...

Положили опять раненыхъ на телѣгу, повезли. Трясетъ телѣгу, качаетъ, на выбойнахъ дороги подбрасываетъ,—раны, какъ желѣзомъ каленымъ, печетъ. Уложили жители раненыхъ не умѣючи, головами врозь. Пришлись ноги Георгія Попова прямо противъ груди Сергѣя, толкаютъ, бьютъ, бьютъ его по груди при прыжкахъ телѣги—боль нестерпимая; не чаетъ доѣхать.

Довезли все-таки раненыхъ до больницы, сняли съ подводы, внесли въ пріемный покой. Положили Сергѣя на операціонный столъ, подошла женщина врачъ, взглянула, поблѣднѣла, такъ и ахнула.

Стали бѣлье на Сергѣѣ отмачивать и разрѣзать, потерялъ Сергѣй отъ боли сознаніе...

Очнулся уже перевязанный въ постели. Узналъ тутъ: двадцать восемь ранъ штыковыхъ у него въ области груди, одна сквозная надъ самымъ сердцемъ... У Попова Георгія шестнадцать...

Къ красноармейцамъ попали опять партизаны. Пришли въ больницу красноармейскіе главковерхи—Гугняевъ и Блиновъ, помощники Миронова. Опять допрашивать стали:

— Гдѣ взяты? какого отряда? гдѣ раненъ? кѣмъ раненъ?...

Рѣшили было отправить раненыхъ въ Михайловку въ какой-то еще штабъ для допроса, да женщина врачъ—спасибо ей—вступилась, отстояла.

— Тяжелые очень!...

Отбили Арчаду казаки, перевезли раненыхъ въ Скуришенскій лазаретъ, а оттуда въ Усть-Медвѣдицу...

Четыре съ половиною мѣсяца боролся со смертью Сергѣй, операцію вынесъ. Побѣдилъ молодой организмъ, затянулись раны.

11 ноября только выписался Сергѣй изъ госпиталя и черезъ недѣлю пошелъ заниматься въ учительскую семинарію. Но...

Вотъ тутъ-то и начинается главное.

— Проучился я до Рождества, скучно мнѣ что-то стало.. на фронтъ потянуло...—застѣнчиво признавался мнѣ на этихъ дняхъ Сергѣй Зерщиковъ.

Потянуло, и снова онъ очутился на фронтѣ въ своемъ Алексѣевскомъ партизанскомъ отрядѣ...

То, что я передалъ здѣсь, не сказка, не выдумка, а быль. Все это пережилъ въ концѣ іюня мѣсяца истекшаго 1918 года ученикъ 1-го класса Усть-Медвѣдицкой учительской семинаріи, нынѣ старшій урядникъ Алексѣевскаго партизанскаго отряда, казакъ Распопинской станицы Сергѣй Яковлевичъ Зерщиковъ, не полныхъ 17 лѣтъ отъ роду.

Не мудрствуя лукаво, я записалъ лишь то, что съ нимъ произошло.

С. Арефинъ.